Вадим Цымбурский, русский геополитик

«Геополитика» пришла к нам в страну на рубеже 1980–1990-х.

В то время, когда Россия только знакомилась с ней – по публикациям А.Г. Дугина и наспех переведенным первоисточникам в виде отдельных статей и, существенно реже, книг, – В.Л. Цымбурский ее создавал. Создавал не как «лысенковщину вместо науки», а как «искусство вместо лысенковщины» – искусство мировидения, создания «стратегических» картин мира, непревзойденным мастером которого он был.

История Цымбурского как культурфилософа и геополитика, прежде всего в 1990-х – начале 2000-х годов, рассмотрена в монографии Б.В. Межуева, первой специальной книге, посвященной исследованию общественно-политических взглядов Вадима Леонидовича [5].

Крупный филолог-«классик», он был погружен в мир древних языков Восточного (а также Центрального) Средиземноморья. Занимаясь вопросами происхождения этих языков, Цымбурский не мог обойти проблему формирования этнической карты данного региона. В свою очередь, изучая этническую историю Восточного Средиземноморья раннегреческого и, по необходимости, догреческого периодов, он выходил на широкую панораму всемирной истории и общую картину движения исторических процессов – не только в их культурно-языковом, но и государственно-политическом аспектах. Все они развивались, причем весьма динамично, во времени и пространстве, на огромном географическом поле от Испании до Урала и от Скандинавии до Иранского нагорья и Индии. Таким образом, с одной стороны, у масштабно мыслящего филолога волей-неволей складывалась некая геополитическая картина пред-античного мира, формировался комплекс геополитических подходов и представлений. С другой стороны, исследовательская работа выводила его в русло историософии и философии культуры. Специфично в этом пути Цымбурского к глубинной, фундаментальной геополитике (а затем и к хронополитике) лишь то, что проделал его филолог, а не историк, что для последнего выглядит, хотя бы на первый взгляд, более логично и органично. Но исторический подход был присущ Вадиму Леонидовичу имманентно.

Первоначально складывавшийся у него комплекс геополитических подходов и представлений нашел воплощение в идее своего рода «либеральной империи Севера», «Великого кольца» демократических стран, которое должно объединить США, Западную Европу, Японию (и Южную Корею) с отказавшимся от коммунистической идеократии Советским Союзом (а также государствами Восточной Европы) в единый глобальный пояс, занимающий северную часть Северного же полушария. Казалось бы, эта концепция вполне отвечала «духу

Хатунцев Станислав Витальевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России исторического факультета Воронежского государственного университета.
E-mail: staskhat@comch.ru

времени», стремлениям и чаяниям большинства представителей «интеллектуального класса» позднего СССР так или иначе сблизиться с Западом, но заметный общественный резонанс вызвал лишь ее «римейк» в статье А. Чубайса спустя примерно полтора десятилетия.

В отличие от тех авторов, которые остались в поле западоцентристских идей – в поле, охранный периметр которого поражение соцлагеря в «холодной войне» весьма укрепило, – Цымбурский, подобно персонажу известной песни Высоцкого, вышел за заветные «красные флажки» и создал по-настоящему оригинальную и глубокую историософско-геополитическую концепцию «Острова России», которая для всех сторонников встраивания России в западный мир прозвучала как первое «Философическое письмо» П.Я. Чаадаева, причем не столько для А.И. Герцена, сколько для адептов «теории официальной народности».

«Остров Россия» [11] многими был воспринят как декларация российского неоизоляционизма, но на деле являлся не столько ею, сколько одной из первых по времени попыток наметить для нашей страны проект цивилизационной геополитики [10, с. 183]. Впоследствии Цымбурский стремился показать: дабы быть продуктивной, цивилизационная геополитика не должна замыкаться на хантингтоновской догме «столкновения цивилизаций».

В то же время он полагал, что ни изоляционизм, ни евразийство в духе П.Н. Савицкого и Л.Н. Гумилева в качестве практической политики не годятся [10, с. 336].

Цымбурский был в числе тех немногих людей, кто открыл глаза и увидел, что после распада СССР главный его «наследник», Российская Федерация, под аккомпанемент тысячеголосого хора, певшего об «общем европейском доме», о необходимости сближения с Западом, чисто геополитически стала от него отдаляться, поскольку за ее границами встала полоса государств, стремившихся исполнять роль «санитарного кордона», отгораживавшего «Московию» от евроатлантического пространства. Воскресли – в обновленном обличии – призраки, вызванные к жизни Версальско-Рижской системой, которая по окончании «Великой войны» в 1919–1921 годах оформила геополитическую карту Европы.

Благодаря всему этому наша страна откатилась к рубежам допетровской эпохи, вскрылись исторические пласты XVII столетия, что вслед за Г. Гусейновым [2] и П. Богомоловым [1] заметил и подытожил В.Л. Цымбурский. По его словам, в новый век русский мир входит внесистемным «зависшим» образованием – материковым «островом Россия» [10, с. 147].

Таков был парадоксальный итог сознательного и стихийного западоцентризма, пронизавшего российское общество сверху донизу. Его можно объяснить с точки зрения известного рода диалектики: целостная идея должна содержать в себе свое отрицание, тезис и антитезис одновременно. Таким отрицанием, антитезисом российского западоцентризма во внутреннем, духовном пространстве стали прежде всего разные изводы и варианты реанимировавшегося евразийства, тогда как во внешнем мире – пояс бегущих от России «nach Westen» стран Восточной Европы.

В программной работе «Остров Россия» Цымбурский назвал эти и им подобные пространства «территориями-проливами» (strait-territories). По мысли автора, strait-territories разделяли платформы, «опорные ареалы» – коренную, наиболее устойчивую часть различных цивилизаций, в том числе российской и европейской. Через год-другой Цымбурский, познакомившись с тезисами автора данных строк [8], стал именовать «территории-проливы» лимитрофами и создал концепцию «Великого Лимитрофа», о которой будет сказано ниже. Однако справедливости ради необходимо отметить, что само понятие территорий-проливов как переходных пространств между цивилизациями он сформулировал и озвучил публично (получив при этом заслуженную известность) более чем

на год раньше меня, то есть еще в то время, когда сам я аналогичное по содержанию понятие лимитрофов всего лишь нащупывал, а «Остров Россия» прочел лишь после того, как познакомился с автором статьи.

В этот период мировая интеллектуальная атмосфера искрила «цивилизационным подходом», который выкристаллизовывался в головах у множества историков, политологов и геополитиков, прорываясь молниями концепций. Наибольший резонанс из созданных ими интеллектуальных продуктов получила концепция «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона.

Но если Хантингтон был Птолемеем-Коперником «цивилизационного подхода» образца 1990-х, то В.Л. Цымбурский сделал в сравнении с американским маэстро существенный шаг вперед. Первый попытался разделить планету и человечество на цивилизации «подчистую» – цельными, по-ковбойски неряшливо нарубленными кусками, без полутонов и оттенков. Для второго такое разделение было слишком грубым, слишком не адекватным реальности. И он выработал намного более гибкую, намного более согласную с жизнью модель цивилизационного пейзажа, выделив этнокультурные платформы и переходные пространства, которые их разделяют и соединяют – в парадоксально-«гегелевском» единстве двух этих функций.

В то же время Цымбурский, на мой взгляд, слишком однозначно относил к «территориям-проливам» земли, обладающие разной степенью выраженности в их истории и культуре переходных качеств. Так, не следует смешивать с лимитрофами лимбовые пространства, обладающие лишь некоторыми, в целом второстепенными, признаками «промежуточности», «контактности», «пограничности». Вадим Леонидович и сам чувствовал, что лимитрофная концепция не выражает всей гаммы «переходных» мотивов, и посему ввел в нее понятие «лимеса» – приграничных, «лимесных», областей. Таковые, по его словам, обладают ключевыми этнокультурными признаками ядра цивилизации, но так до конца в цивилизационном отношении и не определяются; в случае, если они геополитически не присоединены к ядру, им грозит «соскальзывание» в лимитрофы. В итоге Цымбурский определил «лимесы» как неустойчивую окраину имперской или цивилизационной платформы и отнес к ним Германию к востоку от Эльбы, часть Украины (прежде всего Левобережье), некоторые казачьи районы России, Белоруссию, а также Маньчжурию и «Скандинавию шведов, датчан… норвежцев» [10, с. 231, 324]. И хотя однажды он написал о «западноевропейском лимесе», представления о том, что, пользуясь его терминологией, «лимесы»[1] составляют пояса территорий, закономерно окаймляющие лимитрофы и отделяющие последние от цивилизационных платформ, а также о том, что к ним относятся не только перечисленные им земли, но и множество других областей, лежащих в Центральной и Средней Азии, в Северо-Западной России и т.д., у него, по-видимому, все же не выработалось.

Программная статья Вадима Леонидовича 1993 года о перспективах отечественной геополитики является «гоголевской шинелью», которую он сам себе сшил и из которой вышли многие его дальнейшие концепции и сюжеты. Она интересна не только понятием «территорий-проливов» и картиной России как «острова в сердцевине суши», из которых логически вытекает представление о ней как о «земле за Великим Лимитрофом», но и постулатом об обилии «труд-

[1] В моей терминологии лимес – нечто совершенно другое: это культурно-географическая граница, отделяющая одну цивилизацию от другой. «Лимесу» Цымбурского во многом соответствует мое понятие «лимб». «Лимб» – это полоса примыкающих к «лимитрофным землям» территорий, в чьей традиционной культуре формы и комплексы, происходящие из соседних цивилизаций, играют заметную роль, но прослеживается доминация «коренных», автохтонных культурно-исторических сюжетов и форм, свойственных цивилизации данной.

ных пространств» как одной из наиболее важных черт российской геополитической ниши, а также множеством других очень перспективных идей, которые он развил в своих последующих трудах.

Так, нельзя не отметить намеченную Цымбурским в «Острове Россия» концепцию «похищения Европы». Весьма показательно, что первую специальную работу, ей посвященную, – «Циклы “похищения Европы”» – он мыслил как большое примечание к статье «Остров Россия» [10, с. 44].

В «Циклах…» рассматривался «синтаксис» геополитических отношений России с Западом начиная с так называемого третьего этапа Северной войны (1710–1718), когда Петр послал русские войска на помощь своим германоязычным союзникам – Дании, Саксонии, Ганноверу, и наша армия благодаря этому впервые вступила не на извечно спорные «территории-проливы», а в области коренной Европы.

Анализ данных о вторжениях западных государств в Россию за последние триста лет, то есть с тех пор, как фундаментом мировоззрения отечественной элиты стал европоцентризм (который со временем превратился в западоцентризм), позволил В.Л. Цымбурскому прийти к ценнейшему выводу: с петровской эпохи «идеалистическое» вползание России в европейские дела (участие ее в войнах за континентальный баланс ради подавления европейских революций и тому подобных масштабных военно-политических столкновениях без всякого расчета на приращение территории или иную ощутимую, материальную выгоду, когда Россия навязчиво, часто себе в ущерб, стремилась оказывать союзнические услуги Западу ради одного лишь присутствия на европейском «театре славы») порождало в Европе выплеск ответной агрессии против нас [10, с. 48–49, 58]. В то же время исследователь показал, что взбуханию российского гегемонизма всегда предшествует интервенция Запада – либо в форме широкомасштабной войны, подобной Отечественной войне 1812 года и Великой Отечественной 1941–1945 годов, либо в виде «мягкого» оттеснения России с занимаемых ею геополитических позиций, что мы наблюдаем сейчас в связи с расширением НАТО на восток и политикой изъятия Украины в сферу тотального контроля со стороны Евро-Атлантики. Естественно, от характера этой интервенции зависит и характер ответа, даваемого Россией.

Именно концепция «похищения Европы» дает разгадку преимущественной сосредоточенности российской геополитики – начиная как минимум с петровских времен – на «территориях-проливах», находящихся в Восточной Европе.

«Европохитительство» – это до сих пор не изжитое стремление участвовать во внутренних делах и конфликтах Европы, играть в ней важную военно-политическую роль, которое, что совершенно естественно, претит множеству европейцев и противоречит подлинным интересам России, ее народа, российской культурно-политической нации. Как совершенно правильно отметил Цымбурский, идеология «нашего» «похищения Европы» легко сползает к пафосу «почетного самоубийства» России через ее слияние с платформой «политичных народов» [10, с. 53], то есть народов, принадлежащих к западному сообществу. Такое «слияние» приводит к «сливу» России, подобному тому, который происходил в 1990-х.

Если так называемый русский европеизм есть мимикрия, культурный псевдоморфоз нашего национального духа, но псевдоморфоз не бесплодный, а существенно обогативший и Россию, и Европу, и человечество в целом, то ценность «европохитительства» нельзя не признать величиной отрицательной. Так, во многом именно благодаря практике «европохитительства» враждебное восприятие России Европой переросло в цивилизационную войну, которую она вела против нас с начала XVIII столетия и которую унаследовал коллективный Запад.

«Европохитительство», как справедливо полагал Вадим Цымбурский, мешало заниматься обустройством России как таковой, России как она есть, особенно восточной, зауральской части ее. Эти территории, по словам Цымбурского, давно застолблены русскими, а недоосвоены они во многом из-за того, что «в нашей трехвековой имперской истории преобладали экстравертные – европейские, балканские, отчасти ближневосточные – фокусировки» [10, с. 291].

«Западопохитительство» и сейчас препятствует освоению Русской Азии. В данном отношении Цымбурский на страницах «Острова Россия» выступил оптимистом, полагая, что вместе с большевистской государственностью «окончился весь 270-летний великоимперский западоцентристский цикл российской истории» [10, с. 22]. Однако западоцентризм вплоть до настоящего времени остается едва ли не главным нервом нашей политики.

Но Цымбурский уже в середине 1990-х отметил: на Западе мы имеем дело не с автономными силами, стремящимися в свободной борьбе максимизировать свою выгоду, а с провинциями «мягко» структурированной Империи, где территориальные и надтерриториальные (например, МВФ) субцентры «давно притерлись друг к другу и усвоили правила кооперативной – “постисторической”, по Ф. Фукуяме – игры, противополагающие это сообщество внешней ойкумене» [10, с. 128].

По мнению Цымбурского, едва ли не вся не только западная, но и восточная политика России в имперский период являлась элементом стратегии «похищения Европы». Во всяком случае, за войнами с Турцией, движением к Черноморским проливам, Балканскому полуострову и Средиземному морю, а также в Переднюю Азию ему виделся именно Протей «европохитительства» [10, с. 13]. Даже «Дарданелльская греза», считал Цымбурский, обусловлена представлением о Западе как центре мировой ойкумены [10, с. 49].

Думается, что здесь он прав лишь отчасти.

Цымбурский являлся разработчиком концепции международной Балтийско-Черноморской конфликтной системы (БЧКС). Он постулировал, что сформировалась эта система еще в XVI веке, то есть за полтора-два столетия до признаваемого им самим начала «похищения Европы» Россией. И уже тогда ее границы стали продвигаться на Запад, к европейским пределам. Поэтому для того, чтобы быть последовательным, следует либо признать, что российское продвижение к берегам Днепра и в Причерноморье может быть не связано с «европохитительством», либо отнести начало «похищения Европы» к более ранней эпохе и признать частью этого процесса и интеграцию Левобережной Украины с Московией, и даже включение в пределы последней просторов Дикого поля. Однако расширение степными черноземными землями как минимум до начала XVIII века – сугубо российский цивилизационный и геополитический сюжет, о чем чуть ниже.

Кроме того, необходимо учесть, что в Причерноморье, на Балканах, на Ближнем Востоке, тем более – на Востоке Дальнем, а также в Центральной Азии Россия не столько боролась за преобладание в Европе, сколько двигалась на лимитрофные земли, которые от века разделяли российское, европейское, афразийское, южно- и восточноазиатское месторазвития и сложившиеся в их пределах цивилизации. Но если на Балканском полуострове и во владениях Турции, в Средней Азии, в Приморье и в Приамурье Петербургская империя решала задачу установления контроля над теми или иными сегментами Великого Лимитрофа (пояса сливающихся друг с другом периферий мегацивилизаций Евразии[1], который к северу и востоку от основания гигантского географического «горба» Амура существовал скорее потенциально), то в Причерноморье ее

[1] Моя версия «Великого Лимитрофа» существенно отличается от версии В.Л. Цымбурского [см.: 7].

первичная цель была совершенно иной, хотя и связанной с линией Великого Лимитрофа благодаря гнездившемуся в Тавриде Крымскому ханству.

Эта первичная цель заключалась в искоренении военной угрозы, которая исходила от кочевников, жителей степей, земледельцам, северным их соседям. В ходе ее достижения Россия и начала двигаться в Причерноморье, осуществляя аграрную колонизацию пояса степных черноземов. Только с XVIII столетия такого рода политика стала в той или иной степени, скорее опосредованно, чем прямо, сочетаться с политикой «похищения Европы».

Нельзя не отметить исключительно важные замечания и размышления Цымбурского о пределах Европы – физико-географических и цивилизационных, в частности, о балтийско-черноморско-адриатической полосе как преддверии ее этнокультурной платформы [10, с. 105–107].

Очень оригинально и вполне обоснованно его представление о том, что с позднего Средневековья западный мир в течение нескольких столетий обладал биполярной геополитической структурой, в которой реализовывалась его фундаментальная биполярность. Цымбурский связывал эту биполярность с обособлением и конкуренцией двух разделенных Рейном больших провинций раннесредневекового Франкского королевства – Нейстрии и Австразии [10, с. 108].

На мой взгляд, отмеченная Вадимом Леонидовичем фундаментальная биполярность заложена отнюдь не соперничеством этих рыхлых и непрочных образований, которые к тому же давным-давно канули в Лету. Она определяется тем, что европейскую цивилизацию образуют две метакультуры, или, если угодно, субцивилизации, – германская и кельто-романская. Поэтому речь следует вести о фундаментальной биполярности не западного мира в целом, а отдельно взятой Европы, то есть европейской цивилизации.

Аналогичная биполярность свойственна российской цивилизации. Но в нашем случае речь идет о сибирской и восточно-европейской метакультурах.

В отличие от В.Л. Цымбурского я считаю, что первое внятное выражение на геополитическом уровне фундаментальная биполярность Европы получила не в эпоху Нейстрии и Австразии (VI–VII вв.), а полутора столетиями позднее. Времена раннего Франкского королевства – эра перехода от социумов античного поколения (формации) к социумам нынешнего, то есть современного поколения. Этот переход закончился примерно в IX веке. Именно тогда по заключении Верденского договора 843 года появились Западно-Франкское и Восточно-Франкское королевства. С их формированием и произошла геополитическая кристаллизация двух полюсов европейской цивилизации, нашедшая свое предельное выражение в противостоянии Франции и Германии в 1870–1940-х годах.

«Сухопутная островитянка» Россия виделась Цымбурскому землей, которая лежит за «Великим Лимитрофом».

Он заметил, что к середине 1990-х многие идейные наследники евразийства, точнее, приверженцы «евразийской миссии» России, такие как А.С. Панарин и С.Е. Кургинян, а также эксперты, например А.И. Неклесса, в отличие от евразийцев первой эмигрантской волны, которые «уравнивали» Россию с Евразией, стали эти два понятия «разводить». Данная тенденция как нельзя лучше отвечала изменению контуров нашей страны, которая после крушения СССР отодвинулась и от коренной Европы, и от арабо-персидского Среднего Востока.

Благодаря всему этому Цымбурский пришел к образу *«России в Евразии»* и к пониманию России как пространства и человечества, которые находятся ***за*** Евразией. Под последней он начал подразумевать «территории-проливы» от Северного Ледовитого до Тихого океана, отделяющие российское этнокультурное ядро от платформ соседних цивилизаций и стыкующиеся друг с другом в единый грандиозный континуум, который исследователь окрестил Великим

Лимитрофом. В то же время «Россия-Евразия» выступала для него продуктом интериоризации Россией этого самого Великого Лимитрофа [10, с. 192] – каким он представлялся В.Л. Цымбурскому[1].

Несколько слов следует сказать о Корейском полуострове. Вадим Леонидович однозначно относил его к своему Великому Лимитрофу, протянувшемуся от Финляндии как раз до Кореи. Думается, что к нему эта страна все-таки не относится. Культурно и исторически она, несмотря на языковое и расовое родство корейцев с алтайскими народами, никогда не выбивалась за пределы восточно-азиатского мира, однако примерно с начала нашей эры, если не с середины предшествующего ей тысячелетия, выполняла роль барьера и связующего звена между материковым Китаем и Японскими островами. Цымбурский сам признавал Корею «иноэтническим филиалом конфуцианско-буддистского Китая» [10, с. 231], то есть де факто частью соответствующего цивилизационного пространства. Таким образом, Корею в целом следует рассматривать как «внутренний лимитроф» дальневосточной цивилизации, разделяющий и соединяющий входящие в нее японскую и китайскую метакультуры. Вместе с тем, окраинное положение севера Корейского полуострова по отношению к восточноазиатскому миру и его относительная открытость влияниям, исходящим из-за его рубежей, заставляют одновременно относить эту часть Кореи к лимбовой зоне данной цивилизации.

Цымбурский как стратег видел, что борьба между двумя тенденциями мирового развития – к уни- и к многополярности, которая, по его мнению, составит главное содержание глобальной военно-политической истории в ближайшие полстолетия, – будет протекать на пространствах Великого Лимитрофа. Он хорошо понимал, что если вся эта геополитическая структура окажется насквозь соединена в противостоящую большинству платформ Евразии стратегическую и геоэкономическую целостность с прямым выходом через Восточную Европу на Евро-Атлантику, то победит первая из этих тенденций, тогда как вторая восторжествует в том случае, если та же Восточная Европа, Кавказ и Средняя Азия станут прежде всего посредниками между соседящими с ними цивилизациями [10, с. 308].

Следуя логике системных связей, Цымбурский полагал и надеялся, что обретение «территориями-проливами» формального суверенитета по отношению к России («экстериоризация Лимитрофа») превратит нашу геополитику в значительной степени в геополитику «внутреннюю», приведет к федерализации политического устройства страны и подъему местного самоуправления, а также к большому кризису идеологии «похищения Европы», усилению автохтонистских и изоляционистских веяний, отказу России от прямого присутствия в геополитике соседних цивилизаций, к идеологическому обесцениванию иллюзорной принадлежности нашей страны к западному цивилизационному клубу [10, с. 193–194].

Думаю, что все это (за исключением автохтонизма и изоляционизма) стало бы для России огромным и несомненным благом. И в том, что перечисленные пункты стратегической российской «повестки дня» до сих пор не воплощены в жизнь должным образом, вины Вадима Леонидовича нет.

Одна из главных идей Цымбурского (пламенный привет Константину Николаевичу Леонтьеву) – создание нового общегосударственного центра на нашем Востоке [10, с. 131]. Представления покойного геополитика о возможном переносе российской столицы и о «Русской Азии» имеют особенную важность и ценность.

Столица, постулировал он, суть привилегированная точка, из которой Центр видит свою страну и мир в целом [10, с. 278]. Поэтому от того, где она

[1] Здесь хочется обратить внимание читателей на то, что инициалы Цымбурского – В.Л. – совпадают с аббревиатурой Великого Лимитрофа.

находится, зависит и та картина, которая открывается взору властей предержащих. Так, например, из Красноярска, тем более – из Владивостока, виднее, что Россия граничит не с Англией, Швейцарией, Лихтенштейном и островом Кипр, а с США и Японией, что от ее рубежей открывается перспективный в экономическом отношении путь к берегам Филиппин, Малайзии, Индонезии, стран Южной и Центральной Америки.

По мнению Цымбурского, то, что мы зовем «Центральной Россией», на самом деле – часть упершегося в Восточную Европу запада нашей страны. Это фактически ее пограничье, тогда как подлинной Центральной Россией является Южная Сибирь с Уралом на входе. Однако столица страны находится не там, а в западном ее порубежье.

В России, считал Цымбурский, политический и хозяйственный фокусы могут смещаться только вместе, и первый должен указывать направление сдвига второму [10, с. 298]. В стране, где бизнес настолько зависим от политики, другая политика породит другой бизнес, а российским политикам в своем мировидении не следует быть привязанными к европейской окраине. Концепция «новой столицы» должна иметь в числе своих целей появление номенклатуры, геополитически «обреченной» на иное, нежели сейчас, понимание мирового расклада и своего места в нем и иначе строящей внешнюю и внутреннюю, в том числе демографическую и экономическую политику страны. Последней необходима власть, склонная в минимальной степени принимать обязательства, связанные с имиджем «европейской державы» или младшего члена в клубе «богатого Севера» [10, с. 300].

Создание «нового Центра», считал мыслитель-геополитик, означает смену большой стратегической парадигмы для страны и несет с собой не просто отказ от прежних притязаний, но потенциал крупных новых целей и проникнуто мобилизационными мотивами, мотивами «новых далей» для русских.

Впрочем, сам он предпочитал говорить не о «переносе столицы», а о необходимом пересмотре ее отношения к проступающей структуре российской платформы [10, с. 297]. Перенос модален в том случае, если власть, адекватно оценивающая миросистемные проблемы России и те подходы к ним, возможности которых заложены в ее геополитической структуре, в Москве оформиться не сумеет. Вследствие этого она как столица будет становиться все менее функциональной, и выживание ее в данном качестве рано или поздно вступит в противоречие с выживанием государства настолько, что его нельзя будет решить никакими демократическими процедурами.

Юго-Западную Сибирь и переходящие в нее восточные склоны Урала – земли между Екатеринбургом, Оренбургом и Кемерово – Цымбурский называл «парадоксальной сердцевиной», «пятой “скрепой”» России, которую практически нельзя обкусать, переориентировав вовне страны. Но здесь она, как нигде, может быть просто-напросто разломлена [10, с. 323].

Моя точка зрения близка к точке зрения В.Л. Цымбурского. Но опираюсь я на иные основания, нежели Вадим Леонидович. Я считаю, что средоточие, «сердцевина центра» российского культурно-исторического мира – Южный Урал. Там, на перекрестии стыка восточно-европейской и сибирской метакультур с лесостепью, «посредником» между важнейшими историко-культурными зонами России – «Лесом» и «Степью» – находится ее «цивилизационный “Хартленд”» [6, с. 37]. В то же время Москва лежит на границе лимбовой зоны российской цивилизации и ее ядра, этнокультурной платформы. Поэтому перенос столицы в подлинный центр России может, помимо прочего, означать торжество, так сказать, «цивилизационно-географической» справедливости.

В прошлом веке, по справедливому замечанию Цымбурского, сдвиг турецкой столицы из Константинополя в Анкару отметил конец обращенной к

Балканам Османской империи и возникновение турецкого национального государства на малоазийской платформе; переезд столицы Бразилии с атлантического побережья вглубь континента – начало освоения центра страны, а в наши дни перенесение столиц Казахстана и Германии соответственно в Астану и Берлин нацелено на интеграцию «слабо вписанных в целостность этих государств и, если так можно выразиться, склонных к “отсыханию” регионов на стратегически высокоценных направлениях». И коли суждено России получить новую столицу, то в видах сохранения целостности страны и обретения ею нового дыхания, новых сил единственная осмысленная альтернатива такого рода есть Зауралье [10, с. 284–285], а не, к примеру, отыгравший свою «европейскую» геополитическую партию Петербург.

В истории нашей страны перенос столицы всегда означал серьезное, порой – резкое, революционное изменение стержневого культурного и политического проекта. Так, утверждение в столичном статусе Питера принесло ориентацию на европейские культурные нормы и практику имперского «похищения Европы». Поэтому создание новой столицы за Уралом ознаменует поворот от «евро-» и, в целом, «западопохитительства» «лицом к Востоку» – прежде всего к Востоку внутреннему, сиречь Русской Азии, а также к Востоку внешнему, лежащему на берегах Тихого океана. Впрочем, обращение к возможностям, лежащим в области АТР, отнюдь не означает проведения специфической культурной политики, скажем – принятия конфуцианской этики, корейского буддизма или же японского синтоизма.

В 20–30-х годах прошлого века к «повороту на Восток» призывали русские эмигранты-«евразийцы». Но тема восточного Центра имела для Цымбурского вовсе не евразийский смысл. Для него она была темой резервных, нераскрытых потенций русского пространства, которые от взгляда из Москвы заслоняются «галлюцинаторными порождениями великоимперских, в том числе традиционно-евразийских переживаний» [10, с. 291].

В свое время К.Н. Леонтьев заклинал перенести центр тяжести религиозно-культурной жизни России «с европейского Севера на полуазиатский Юг» [3, с. 445], то есть на берега Босфора, в уже упоминавшийся выше Константинополь. Таким ему виделось правильное завершение пресловутого Восточного вопроса. По мнению русского мыслителя-консерватора, эта мера была необходима для создания новой, самобытной культуры, которая спасла бы Россию от надвигающегося социально-политического упадка. Иной выход из «нашего нравственного и экономического расстройства… мы напрасно будем искать в одних внутренних переменах» [4, с. 421], – считал Константин Леонтьев.

Цымбурский столь далеко в своей «восточной» программе не заходил и такого радикального культурного поворота, как Леонтьев (а равно и евразийцы), отнюдь не предполагал. Он стремился к крупным изменениям прежде всего в политике, внутренней и внешней, и в экономике; культурные же вопросы, в сущности, не затрагивал и о возможной новой столице как очаге некой невиданной «островитянской» культуры нигде не писал.

Этот геополитик еще в провальные 1990-е предвидел наступление нового режима, который станет реакцией на «демократическую брежневщину» ельцинской эпохи и попытается обозначить для России новые цели. Геополитическим выбором для такого режима, по мнению Цымбурского, могла быть «либо “Новая Ялта” русскими ресурсами и русской кровью – либо “переоценка составляющих России” с фокусировкой активности Центра на тех краях, которыми обновится место страны в мире и ее национальная судьба» [10, с. 284].

Особую актуальность приобрели слова Вадима Леонидовича о том, что защищать Россию – значит утверждать принципиальную возможность оправдать ее опыт, и именно с этой позиции наша стратегия национальной безопас-

ности обязана противостоять принесению страны в жертву любым замыслам реконструкции материка, а ориентиром для нее должен стать секулярный геополитический проект [10, с. 311].

Геополитическим чаемый проект должен быть потому, что «в обществе, круто разделенном по социальным ориентирам, геополитика, представляя страну… как единого игрока по отношению к внешнему миру, несет в себе миф “общей пользы”», вследствие чего «искомая многими партиями и элитными группами идеология, которая бы “сплотила Россию”, почти неизбежно должна включать сильный геополитический компонент» [12, с. 108].

Подводя итог, попытаюсь обозначить своего рода «геополитическое завещание» В.Л. Цымбурского. Во-первых, он призывал к нейтрализации наиболее опасных для нашей страны возможностей развития событий на окружающем лимитрофном поясе, во-вторых – к усилению ее влияния на мировой порядок, не созданный русскими и не на них рассчитанный. Оптимальным, с его точки зрения, был бы геополитический проект, объединяющий обе данные цели и ориентированный на то, чтобы добиваться их сразу и одновременно [10, с. 312]. При этом геополитике России следует все более становиться геополитикой внутренней, нацеленной на оптимизацию использования российских пространств, востребование возможностей, бывших в имперскую эпоху «задепонированными», а наша международная стратегия должна определяться соотношением конъюнктур Великого Лимитрофа и Великого Океана [10, с. 337].

Литература

1. *Богомолов П.* Шило на мыло // Правда. 1993. 17 сентября.
2. *Гусейнов Г.* Исторический смысл политического косноязычия // Знамя. 1992. № 9.
3. *Леонтьев К.Н.* Записки отшельника // *Леонтьев К.Н.* Восток, Россия и славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891). М.: Республика, 1996.
4. *Леонтьев К.Н.* Письма о восточных делах // *Леонтьев К.Н.* Собр. соч. Т. 5. М.: В.М. Саблин, 1912.
5. *Межуев Б.В.* Политическая критика Вадима Цымбурского. М.: Европа 2012.
6. *Хатунцев С.В.* Идите все, идите… на Урал! // Политический класс. 2007. № 12.
7. *Хатунцев С.В.* Лимитрофы – межцивилизационные пространства Старого и Нового Света // Полис. 2011. № 2.
8. *Хатунцев С.В*. Новый взгляд на развитие цивилизаций и таксономию культурно-исторических общностей // Цивилизационный подход к истории: проблемы и перспективы развития. Воронеж, 1994.
9. *Цымбурский В.Л.* «Бес независимости» // Век XX и мир. 1991. № 3.
10. *Цымбурский В.Л.* Остров Россия: Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007.
11. *Цымбурский В.Л.* Остров Россия (Перспективы российской геополитики) // Полис. 1993. № 5.
12. *Цымбурский В.Л.* «Остров Россия» за пять лет: Приключения одной геополитической концепции // Россия и мир: политические реалии и перспективы». М., 1997. № 10.

Аннотация. В статье рассматриваются геополитические представления известного русского филолога, культурфилософа, мыслителя и политического писателя В.Л. Цымбурского, в частности – его модель «Острова Россия», концепции «Похищения Европы», Великого лимитрофа; дается их критика, предлагается авторский взгляд на некоторые вопросы, поднятые Цымбурским. Категория лимитрофных пространств дополняется категорией лимбовых территорий.

Ключевые слова: В.Л. Цымбурский, «Остров Россия», геополитика, цивилизационный подход, цивилизационная геополитика, внутренняя геополитика России, «европохитительство», Великий лимитроф, лимб, перенос столицы.

Stanislav V. Khatuntsev, PhD, Voronezh State University, Faculty of History, Russian History Department, Associate Professor.

Vadim Tsymbursky, a Russian Geopolitician.

Abstract. The article covers geopolitical conceptualization of a prominent Russian philologist, cultural philosopher, thinker, and political writer V.L. Tsymbursky, in particular, his “Island Russia” model, the concepts of “Euronapping” and of the Great Limitroph; as well as their criticism, the author’s opinion of some problems brought up by Tsymbursky. The category of limitrophic spaces is supplemented with the category of limbic territories.

Keywords: V.L. Tsymbursky, “Island Russia”, geopolitics, civilization approach, civilization geopolitics, internal geopolitics of Russia, “Euronapping”, Great Limitrophe, limb, transfer of the capital city.